

Император бросил взгляд на Хуа Няня. Тот, неся в руках признательные показания и меч Цинъюнь, направился к Линь Таньцзуну, но, проходя мимо графа Цин, якобы случайно оступился. Меч Цинъюнь с громким звоном выскользнул из ножен и упал прямо перед графом. Холодный блеск клинка полоснул его по глазам, а резкий звук заставил стоявшую за ним свиту вздрогнуть. Опасаясь обвинений в нарушении дворцового этикета, они замерли, а на лбу у графа мгновенно выступили крупные капли пота.

В глазах императора на мгновение мелькнула усмешка, но тут же сменилась суровым блеском:

— Неуклюжий олух! Даже вещь удержать не можешь. Поднимай немедленно.

Хуа Нянь проворно подобрал меч, положил его перед Линь Таньцзуном и вернулся к боку императора. Тот взмахнул рукой:

— Господа, встаньте.

Чиновники зашумели, поднимаясь с колен. Император обвел их взглядом:

— Есть ли у кого-то из вас еще доклады?

Граф Цин и его приближенные украдкой утирали пот. Остальные сановники хранили молчание, никто не решился выйти вперед.

— Я утомился, — произнес император. — Раз вопросов больше нет, расходитесь.

Хуа Нянь пронзительно выкрикнул:

— Собрание окончено!

Как только император удалился, чиновники потянулись к выходу из дворца Чансинь. Ду Чуаньбай окликнул Линь Таньцзуна и Ли Гу, собираясь поблагодарить их, но Линь Таньцзун, сославшись на неотложные дела, лишь коротко поклонился в ответ и поспешил прочь.

Ли Гу же просто отмахнулся, пресекая всякие попытки выразить признательность:

— О благодарностях забудь. Я это ради своего сына сделал. Сынок семьи Шэнь давно напрашивался на взбучку — молодец парень, хорошо его отделал!

Его громкий голос заставил нескольких чиновников, уже отошедших на приличное расстояние, обернуться.

Вчера Ли Кэ рассказал отцу о происшествии в аптеке и о том, что Ли Цинь избил Шэнь Жояня. Ли Гу был в таком восторге, что хлопал себя по бедрам, хваля сына за то, что тот не посрамил фамилию. Узнав, что и Ду Чуаньбай приложил руку к избиению Шэнь Жояня, он пришел в еще большее восхищение. Ли Кэ попросил его прикрыть Ду Чуаньбая, если того будут притеснять, и

Ли Гу, не раздумывая, согласился — ведь раз Ли Цинь тоже участвовал, помощь Ду Чуаньбаю была помощью собственному сыну.

Ду Чуаньбай же решил, что Ли Гу говорит о Ли Кэ, и недоумевал, каким образом тот оказался замешан в этой истории.

Ли Гу похлопал его по плечу, наградил одобрительным взглядом и ушел. Ду Чуаньбай остался стоять на месте, совершенно сбитый с толку.

Седьмое число седьмого месяца — день встречи Небесного Пастуха и Ткачихи, в народе называемый праздником Циси.

Ду Ванью, запертый в комнате на принудительное лечение, слушал шум праздника за окном и мечтал отрастить крылья, чтобы вырваться на волю. Су Сюло, любитель развлечений, бросил на прощание:

— Ванью, отдыхай как следует, — и радостно выскочил за дверь.

Ду Ванью закусил губу:

— Су Сюло, бессовестный!

Янь Хэн через щель в окне отчетливо видел каждое движение и выражение лица Ванью. Тот, едва Су Сюло ушел, попытался вылить горькое лекарство в горшок с цветком, но был пойман с поличным вошедшей служанкой. Затем попытался проскользнуть за дверь, но, заметив караулящих слуг, досадно захлопнул ее обратно. От скуки он открыл книгу, перевернул пару страниц и отшвырнул ее в сторону, ворча на неверного друга.

На губах Янь Хэна невольно заиграла улыбка. Он и не подозревал, что Ванью, на людях всегда такой сдержанный и достойный, наедине с собой ведет себя так по-детски. Это совсем не походило на Пинъаня в детстве — тот был сорванцом и при гостях, и дома.

Однажды, когда он отказался идти с Пинъанем на праздник фонарей, тот разозлился и, раздобыв где-то пузырек с краской, решил поставить на нем метку. В завязавшейся возне Янь Хэн оказался сверху, прижал ноги Пинъаня своими, связал ему запястья и вывел маленькой палочкой на коже цветок лотоса — любимый цветок своей матери. Позже он узнал, что это была несмываемая краска, которая остается на коже навсегда.

Янь Хэн погрузился в воспоминания и не заметил, как Ду Ванью перевел взгляд на окно. Глаза Ванью хитро блеснули, он распахнул створки, выпрыгнул наружу и врезался прямо в Янь Хэна.

Оба рухнули на землю. Ванью оказался сверху, и их глаза — прозрачные, как стекло, и

глубокие, как ночное небо — встретились в полном изумлении. Ванью зажал себе рот, чтобы не вскрикнуть, и поспешно вскочил.

Янь Хэн невозмутимо отряхнул пыль с одежды:

— Господин Ду, давно не виделись. Надеюсь, вы здоровы?

Ванью опустил руку и понизил голос:

— Главарь Тан, что вы здесь делаете?

Если бы он пришел через главные ворота, об этом бы доложили. Неужели он перелез через стену?

Янь Хэн ответил спокойно:

— Услышал, что вы ранены, а я как раз по делам в Ванцзине, вот и решил заглянуть. Как ваше самочувствие?

Добрая слава лежит, а худая бежит — надо же, как быстро разнеслась весть о его позоре.

— Это пустяки, — Ванью хитро прищурился. — Вы что, через стену перелезли?

Янь Хэн не стал скрывать и слегка кивнул. Глаза Ванью, который как раз ломал голову над тем, как сбежать, загорелись:

— Тогда, главарь Тан, не могли бы вы взять меня с собой?

Янь Хэн вопросительно посмотрел на него. Ванью смущенно пояснил:

— Ду Эр запретил мне выходить, но на улице так весело... Я хочу посмотреть, а стена слишком высокая, сам я не переберусь.

Янь Хэн, который видел через окно, как Ванью томится взаперти, не смог отказать.

— Держитесь крепче, — сказал он, обхватил Ванью за талию и в несколько прыжков перемахнул через ограду на шумную улицу.

Широкая дорога была уставлена торговыми лавками, свет фонарей окрашивал улицу в нежные утренние тона, повсюду пестрели товары, слышались крики зазывал, а толпа текла, словно полноводная река, являя всё величие столичной жизни.

Как только Ванью встал на ноги, его лицо озарилось восторгом. Но, помня о присутствии Янь Хэна, он старался держать себя в руках, лишь жадно озираясь по сторонам.

В этот вечер, согласно традиции, молодые люди, желающие вступить в брак, запускали фонарики на озере и обменивались памятными подарками, поэтому на следующий день к домам невест выстраивались целые очереди сватов.

На ночном рынке было не протолкнуться. Девушки, краснея, вручали парням ароматные мешочки и убегали, а парни, подтрунивая друг над другом, прятали подарки в рукава. Внутри мешочков лежали записки с именами и датами рождения, а самые влюбленные добавляли веточки орхидеи — символ чистоты и верности.

Вдруг Ванъю почувствовал, как ему в руку сунули какой-то сверток. Обернувшись, он увидел девушку, которая, встретившись с ним взглядом, вспыхнула и стремглав убежала. Ванъю растерянно посмотрел на Янь Хэна, но тот был окружен целой толпой девиц. Его пояс был увешан мешочками, он пытался вежливо извиниться, но новые подарки всё сыпались и сыпались, падая на землю, откуда их тут же подбирали и совали ему обратно.

Янь Хэн бросил на Ванъю отчаянный взгляд, моля о помощи. Ванъю потер ухо, подумав: если сейчас прямо здесь открыть лавку по продаже этих мешочков, можно неплохо заработать, ведь даже на закупку товара тратиться не придется.

— О боже! — громко крикнул Ванъю. — Посмотрите, какой красавец вон там стоит!

Девушки дружно обернулись, а Ванъю, указав в противоположную сторону, добавил:

— Там! Все они такие статные, даже красивее, чем Ду Чуаньбай!

Пока они глазели, Янь Хэн попятился, встретился взглядом с Ванъю, и оба, не оглядываясь, бросились наутек.

Они пробежали две улицы, прежде чем остановились. Ванъю, чье здоровье было слабым, тяжело дышал, его губы побелели, а перед глазами плыли черные точки.

— Вы в порядке? — испуганно спросил Янь Хэн, подхватывая его под локти.

Ванъю, чувствуя, как в груди всё горит, с трудом выдавил:

— Ничего... просто слишком быстро бежали. Сейчас пройдет.

Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Через некоторое время боль отступила. Янь Хэн не спускал с него тревожного взгляда, пока лицо Ванъю не вернуло свой привычный оттенок.

— Простите, — виновато прошептал Янь Хэн. — Я не подумал, что вы еще не до конца оправились.

— Это не ваша вина, — ответил Ванъю. — У меня с детства такое тело, я привык.

Они пошли дальше. На этой улице людей было не меньше, и Ванью постоянно задевали плечами, отчего он морщился от боли. Янь Хэн встал с той стороны, где было больше прохожих, прикрывая его.

— Вы в детстве чем-то болели? — спросил он.

Ванью, разглядывая прилавки, ответил:

— Не знаю. Тетушка говорит, я родился слабым, всё детство провел среди банок с лекарствами, из дома меня не выпускали. Да я почти ничего из того времени не помню.

Янь Хэн помрачнел:

— Совсем ничего?

— Я сильно заболел, когда был маленьким, а когда очнулся — всё как отрезало, — беспечно отмахнулся Ванью.

Янь Хэн попытался скрыть волнение:

— Когда это случилось? Неужели всё было так серьезно?

Ванью засмотрелся на резные фигурки из камня:

— Лет в одиннадцать-двенадцать, наверное. Девять лет прошло, уже и не упомню.

Эти слова отозвались в сердце Янь Хэна громом. Девять лет назад... не тот ли это год, когда он сам был в Юйчжоу? Как странно... Неужели Ванью действительно всё забыл, или же семья Ду приложила к этому руку?

Ванью выбрал с десятков фигурок и попросил продавца упаковать их. Тот, расплываясь в улыбке, принялся за работу, попутно нахваливая товар:

— Господин, гляньте-ка, это мастерство у нас наследственное! Если приглянулось что, берите всё сразу!

Продавец говорил с явным юйчжоуским акцентом. Ванью, неожиданно для себя, ответил на том же наречии:

— Ой, сегодня много не унесу, в другой раз приду, если захочу.

Продавец удивился:

— Господин, так вы тоже из Юйчжоу?

Янь Хэн пристально смотрел на Ванью, пытаясь уловить малейшее изменение на его лице:

— Ты бывал в Юйчжоу, просто забыл об этом.

Ванью облизнул бледные губы:

— Там бывал Ду Эр. Он в детстве учил меня говорить, хотя я и не помню этого. Больше-то некому было меня учить.

Продавец рассмеялся:

— Господин так говорит, будто сам оттуда родом, я уж подумал, земляки!

Ванью улыбнулся и хотел забрать сверток, но Янь Хэн опередил его:

— Вам нельзя носить тяжести, я понесу.

Ванью не успел возразить, как Янь Хэн уже зашагал вперед. Спустя пару шагов он внезапно остановился и затащил Ванью в темный переулок. Будучи на голову выше, он полностью загородил его своей фигурой. Ванью поднял голову и увидел лишь четкую линию его подбородка, прямой нос и суровые брови.

— Кажется, я видел вашего кузена и госпожу Су, — прошептал он.

Ванью замер. Хорошо, что Тан Шань его прикрыл, иначе им не сдобровать! Но в тесном пространстве переулочка, так близко к Янь Хэну, он чувствовал себя неловко.

— Они ушли? — тихо спросил он.

Янь Хэн, глядя на его перепуганное лицо, не сдержал усмешки. Ванью такой доверчивый — Ванцзин огромен, даже если бы Ду Чуаньбай был здесь, вряд ли бы он их заметил.

— Ушли, — сказал он, с трудом сдерживая смех. — Рад за вас.

Он отошел в сторону, и давление исчезло. Ванью с облегчением выдохнул:

— Поздно уже, давайте вернемся.

Янь Хэн не стал спорить:

— Провожу вас, через стену сами не перелезете.

Ванью хотел было отказаться, но, вспомнив про высокую ограду, сразу согласился.

Они шли обратно. Янь Хэн наблюдал, как ветер играет с краями одежды Ванью, как он с

улыбкой спрашивает цену у торговцев. В Юйчжоу он и Пинъань тоже когда-то так ходили по улицам, но тогда это было бегство от смерти. Он помнил, как дрожали руки Пинъаня, как он накрывал его своей одеждой, как перед потерей сознания видел перед собой его непоколебимую спину. И клятву, данную под луной: быть братьями до конца дней.

— Ой! — Ванъю на повороте столкнулся с прохожим и отлетел назад, прямо в объятия Янь Хэна.

Тот мгновенно подхватил его.

— Простите, простите! — пробормотал прохожий, не поднимая головы.

— Ничего страшного, — отмахнулся Ванъю.

Прохожий подобрал оброненные вещи и, не глядя, бросился прочь.

— Станный какой-то, — проворчал Ванъю и вдруг спохватился, проверяя кошель на поясе. Всё было на месте. Он неловко улыбнулся Янь Хэну: — Береженого бог бережет.

Ванъю отвернулся, чтобы скрыть смущение. Почему каждый раз, когда он рядом с Тан Шанем, случаются какие-то неловкие ситуации?

Вскоре они оказались у стены дома Ду. Янь Хэн снова обхватил его за талию и перенес во двор. Едва они приземлились, как раздался голос Ду Чуаньбая:

— Спасибо, главарь Тан, как-нибудь приглашу вас на обед! — выпалил Ванъю и бросился к своей комнате.

Янь Хэн не успел даже попросить его не бежать, как послышался гневный крик:

— Ду Ванъю! Совсем страх потерял? Решил сбежать?

Янь Хэн метнулся в тень дерева. Раздался голос Су Сюло:

— Ду Эр, чего ты орешь? Ванъю испугаешь!

Затем крик Ли Кэ:

— Ванъю, осторожнее, перед тобой столб!

Голоса стихли. Янь Хэн вышел из тени:

— Сун Ци.

Черная фигура бесшумно возникла за его спиной:

— Господин.

— Ду Чуаньбай когда-нибудь был в Юйчжоу?

— Нет, господин.

— Пусть наши люди в Цзянбэе проверят, кто из семьи Ду бывал там девять лет назад.

— Слушаюсь.

Сун Ци исчез так же внезапно, как и появился. Янь Хэн посмотрел на сверток с безделушками в руках. Возможно, у него появился отличный повод снова навестить Ванью.

Утренний свет был еще тусклым, над крышами вился дымок, слуги подметали двор, и всё вокруг дышало покоем.

Проходя мимо главного зала, Ванью увидел Ду Чуаньбая, который неспешно листал книгу. Рядом с ним стоял Ли Кэ и что-то шептал, но, заметив Ванью, замолчал и потупился. Ванью подумал, что они снова поссорились, но испуганный вид Ли Кэ говорил о чем-то более серьезном.

Ванью кивнул им и прошел мимо.

— Подними голову и говори нормально! — раздраженно бросил Ду Чуаньбай. — Пришел ни свет ни заря, мямлишь что-то... хочешь, чтобы я вышел из себя?

Ли Кэ поднял глаза, но тут же отвел их:

— Ду Эр, только ты можешь спасти моего брата! Попроси Пятого принца, иначе моего брата казнят!

Ду Чуаньбай отложил книгу:

— Доказательства налицо. Что я могу сделать? Если Шэнь Чжуй решил его обвинить, дело не пересмотреть.

Ли Кэ чуть не плакал:

— Нет, его подставили! Это всё семья Шэнь! Как вышло, что именно Шэнь Чжуй поймал его с кинжалом? Отец молчит, что делать? Придумай что-нибудь!

Ду Чуаньбай потер переносицу. Он сам подозревал семью Шэнь, но Шэнь Жоянь был заперт в Страже, Шэнь Гофэн был разжалован, наложница Сянь — под арестом, а госпожа Шэнь не показывалась на глаза. У них не было ни сил, ни возможности что-то планировать. А Шэнь

Чжуй... он просто оказался на месте преступления в свой черед, и арест Ли Циня был его прямой обязанностью.

— Вчера во дворце твой отец молчал не потому, что не хотел защищать сына, а потому, что не мог, — сказал Ду Чуаньбай. — Он сразу после собрания поехал к Линь Таньцзуну. Не злись на него.

Император передал дело в Управление Юйань, и по логике Ли Гу должен был держаться подальше от Линь Таньцзуна, но он пошел к нему открыто, потому что верил в невиновность сына.

— Я знаю, — пробормотал Ли Кэ. — Но Линь Таньцзун ничего не делает уже несколько дней. Вдруг он выбивает из брата признание пытками?

Ду Чуаньбай с трудом удержался, чтобы не схватиться за голову. Линь Таньцзун никогда не прибегал к пыткам, да и кто бы посмел тронуть Ли Циня, зная, кто его отец?

— Ду Эр, если его осудят... он ведь невиновен! — Ли Кэ задыхался от слез.

<http://bllate.org/book/21032/2138860>